

Глава 2. Дракон со сломанным рогом

Серый туман в лесу заметно сгустился. Пролетев на мече совсем немного, Му Цунъюнь был вынужден остановиться: духовная энергия в лесу истончилась настолько, что поддерживать полет стало невозможно.

К счастью, преследователей позади не было. Он приглушил свое дыхание и поднял голову.

Если при входе в лес еще можно было разглядеть тусклый дневной свет, то теперь небо затянуло плотной свинцовой пеленой. Серый туман, словно саван, окутал старый лес, полностью скрыв солнце.

Висевший на поясе амулет-фонарь, который до этого вел себя тихо, начал непрерывно мигать, предупреждая: туман пожирания стал опасен.

Му Цунъюню пришлось пустить в ход духовную силу, создав вокруг себя тонкий защитный барьер, чтобы оградиться от воздействия тумана.

Этот серый туман, порождение Моря Пожирającego Тумана, просочился через границы в тот момент, когда Барьер Десяти Сторон пришел в движение. Это была скверна, способная блокировать, поглощать и даже искажать духовную энергию. Если живое существо долго находилось в тумане высокой концентрации, оно подвергалось эрозии, что приводило к непредсказуемым мутациям.

Для культиваторов последствия были тяжелыми: в худшем случае — потеря рассудка и превращение в кровожадного монстра, в лучшем — стагнация уровня культивации и невозможность дальнейшего продвижения.

Обычные люди были куда слабее культиваторов, и туман поглощал их гораздо быстрее. Достаточно было совсем немного времени, чтобы несчастные превратились в безмозглых ходячих мертвецов.

Говорят, более двух тысяч лет назад, еще до начала Великого бедствия пожирающего тумана, эти земли процветали. За пределами Западных Пределов существовали Восточные Пределы, и только вместе они составляли целостную державу. В те времена почти каждые сто лет кто-нибудь из совершенствующихся достигал вознесения. А над Ступенью Вознесения существовали истинные Земные Бессмертные и великие Дало-небожители.

Смутные догадки превратились в реальность, и на душе у Му Цунъюня стало беспокойно.

На мгновение его сознание помутилось, он едва не утонул в этом ледяном, жутком водовороте, но рывок за руку мгновенно вернул его в реальность.

Он глубоко вдохнул, осторожно огибая извивающиеся ветви, и всмотрелся в человеческие лица, проступающие на стволах диковинных деревьев.

Внезапно прорезался свет.

Му Цунъюнь тут же отпрянул. Теперь он уже не думал об экономии духовной энергии: оседлав меч, он начал маневрировать между сплетениями ветвей, наподобие паутины, прорываясь к опушке леса.

Словно по команде, после того звука все страдальческие стоны смолкли. Лица на деревьях разом повернулись к Му Цунъюню и хором выкрикнули его имя:

— Му Цунъюнь! Му Цунъюнь! Му Цунъюнь...

Его ладонь, словно лезвие, рассекла грубую кору. Он хотел было схватить другого человека за руку, но обнаружил, что изнутри тянется вовсе не конечность, а свежая древесная ветвь. Она обвилась вокруг руки Му Цунъюня и с силой потянула его вглубь дерева...

Однако с того самого дня, когда внезапно возник туман, окутав землю, перекрыв доступ к духовной энергии и начав поглощать эти земли, мир совершенствования начал приходить в упадок.

Му Цунъюнь обернулся на зов и увидел неподалеку Цзинь Ни. Тот смотрел на него со слезами на глазах, его голос от волнения сорвался на визг:

— Старший брат, спаси меня!

Словно он снова вернулся в тот жуткий сон, что привиделся ему накануне.

Не успел Цзинь Ни договорить, как в руках Му Цунъюня сверкнул серебряный клинок Бэйтянь. Обойдя Цзинь Ни, он с хирургической точностью обрушил удар на дерево, сковавшее его собрата.

Хотя ветра не было, деревья вокруг затряслись с неистовой силой. Ветви изгибались в уродливые формы, шорох листвы сменился шумом людских голосов — казалось, будто люди, посаженные в землю, вдруг разом проснулись и начали метаться в своих темницах, испуская мучительные стоны.

Едва дерево рассеклось надвое, освобожденный Цзинь Ни, собрав последние силы, совершил прыжок вверх. Оставшись без препятствия, два дерева тут же сомкнулись и сплелись в единый узел. Му Цунъюнь на мече подхватил его и, ни на миг не замедляясь, устремился прочь из леса.

И именно в этот момент в лесу произошло нечто непредвиденное...

Деревья ближе к краю не были такими толстыми, как в глубине, но теперь эти хилые на вид деревца начали извиваться, переплетаясь ветвями и образуя единое целое.

В просветах между уворотами от преследовавших его ветвей Му Цунъюнь бросил взгляд вниз и обнаружил немало знакомых лиц — это были ученики Сюаньлин, пропавшие в поселке Наньхуай. Видимо, времени прошло не так много, и они еще не успели окончательно слиться с деревьями: лишь часть их тел была втянута в кору, обвитая ветвями.

— Эти деревья... боюсь, все они — жители поселка Наньхуай.

Даже будучи готовым к худшему, Му Цунъюнь почувствовал, как по спине пробежал холодок.

На искривленных стволах проступали жуткие очертания человеческих фигур. Те пытались выбраться наружу, на поверхности коры отчетливо виднелись черты лица, рты были широко открыты в мольбах или проклятиях — зрелище было одновременно странным и свирепым.

Он сам был вмурован в ствол по пояс, скованный ветвями. Выше груди тело оставалось свободным, и только руки еще могли двигаться. Сейчас он отчаянно упирался в два дерева, пытавшихся слиться с ним воедино, не давая им приблизиться.

В густом тумане, скрывающем путь, преследовали бесчисленные ветви, извивающиеся, словно призрачные тени.

Му Цунъюнь отдал короткий приказ:

— Скрыть дыхание.

Бесчисленные голоса слились в один, хором выкрикивая его имя.

В то же время искаженное лицо на стволе посмотрело прямо на Му Цунъюня, растянувшись в подобии улыбки, и произнесло его имя.

В ушах стихли непрекращающиеся призывы, преследовавшие его ветви замерли за стеной тумана, и воцарилась абсолютная тишина.

Мужчина средних лет все еще отчаянно боролся, царапая кору руками, будто пытаясь выбраться наружу.

В тот момент, когда он услышал это, послышался пронзительный вопль, словно у кого-то

перехватило горло:

— Старший брат, спаси меня!

— Бэйтянь! — негромко скомандовал он. Меч послушно вылетел из ножен, разрубив ветви, удерживавшие Цзинь Ни.

Даже в Сюаньлин дела обстояли не лучшим образом, иначе Учитель не послал бы его лично разбираться с этим инцидентом.

— Му Цунъюнь.

Стоны становились все громче, все отчетливее. Словно ручьи, сливающиеся в одну реку, они грохотали потоком, эхом отдаваясь по всему лесу.

Вспомнив странное поведение того мужчины, Му Цунъюнь не стал в этот раз действовать опрометчиво. Уклоняясь от хлещущих веток, он лихорадочно искал способ помочь.

По мере приближения к опушке фигуры на деревьях становились четче, у некоторых даже можно было разглядеть кожу и конечности.

Большинство лиц были ему незнакомы, среди них были люди всех возрастов. Он внимательно вглядывался в каждое, пока не увидел знакомое лицо — того самого мужчину, которого он встретил в первый день по прибытии в Наньхуай. Узкие глаза, орлиный нос — тогда, когда они искали ночлег, он постоянно подглядывал за ними из-за окна.

Но меч Му Цунъюня оказался быстрее. Полагаясь на память, он на пределе своих сил пронзил гущу леса и вырвался на свободу.

Му Цунъюнь лишь на миг замешкался, преодолевая неприязнь от прикосновения к чужой плоти, и протянул руку.

В былые времена великие мудрецы и герои, чтобы предотвратить катастрофу, либо погибали в схватках с монстрами в тумане, либо приносили себя в жертву ради Великой формации Десяти Сторон. Говорят, внутри пяти врат жизни и смерти Барьера Десяти Сторон, помимо сторожевых башен, стоят плотные леса погребальных плит. Каждая плита — это чья-то жизнь, отданная за защиту этих земель.

В последние годы благодаря защите Барьера Десяти Сторон Западные Пределы жили относительно спокойно. Но из-за того, что духовная энергия становилась все скуднее, совершенствоваться стало сложнее. Уже две тысячи лет никто не достигал вознесения, а крупные школы, постоянно отправлявшие учеников на борьбу с мутациями, несли тяжелые потери, и преемственность начала угасать.

Му Цунъюнь с неудовольствием прищурился, оглядываясь на старый лес. Теперь, скрытый туманом, тот не выглядел ничем примечательным.

Он посмотрел вниз, на Цзинь Ни, и его взгляд уперся в руку, намертво вцепившуюся в его пояс. Брови Му Цунъюня непроизвольно сошлись на переносице.

Отпусти.

Но Цзинь Ни, очевидно, не уловил его сигнала и продолжал крепко держать его, словно собираясь прирасти к нему.

Му Цунъюнь, не выдержав, произнес:

— Отпусти.

Цзинь Ни смущенно разжал руки и довольно потер ладони. Он подумал, что, вернувшись в Сюаньлин, обязательно похвастается перед второй старшей сестрой и младшей сестрой, что обнимал старшего брата за талию!

Он прикинул — талия-то у него тонкая, не больше девятнадцати цуней!

Ни сестра, ни младшая не угадали бы.

Му Цунъюнь, не подозревая о том, что мысли младшего брата устремились к обсуждению его объемов талии, собрался с мыслями и кратко спросил:

— Что произошло?

Перейдя к делу, Цзинь Ни отбросил радость спасения и помрачнел:

— Не знаю. Я просто лег спать, а когда открыл глаза — уже был внутри дерева.

Он принялся в деталях вспоминать события перед инцидентом:

— В тот вечер я лег рано. В полудреме мне показалось, будто тетушка Чжао зовет меня, голос ее звучал тревожно. Я решил, что что-то стряслось, отозвался и собрался встать, чтобы проверить... А потом память как отрезало.

Когда он снова обрел сознание, он уже сросся с деревом.

Опять звали по имени.

Му Цунъюнь вспомнил тот сон, где его постоянно звали, и у него возникли определенные догадки. К тому же он окончательно утвердился во мнении, что та гостеприимная старушка — не так проста.

Судя по ее поведению, она определенно что-то знает.

Скорее всего, эти странные деревья в лесу и есть жители поселка. Чтобы во всем разобраться и спасти людей, нужно сначала докопаться до истины.

— Сначала вернемся в поселок.

Решив так, Му Цунъюнь собирался было снова оседлать меч, но его потянули за край ханьфу. Му Цунъюнь обернулся и увидел, что Цзинь Ни без всякого стеснения сидит на земле, с гримасой страдания глядя на него:

— У меня закончилась духовная энергия.

Цзинь Ни был лишь на Завершении Ступени Сброшенной Скорлупы, и его запасы энергии не могли долго поддерживать нагрузки.

Му Цунъюнь молча вздохнул и протянул ему ножны своего меча.

Цзинь Ни тут же понял, в чем дело, ухватился за них и довольно поплелся следом, стараясь держаться на расстоянии.

Все всегда говорили, что первый ученик дворца Тяньцзи холоден и неприступен, холоднее снегов Крайнего Севера. Но только они, самые близкие младшие братья и сестры, знали, что на самом деле старший брат — самый мягкосердечный и сговорчивый, просто немногословен и брезглив!

Они вернулись в поселок Наньхуай на мече.

Однако, не успев войти, они увидели, что по улицам, которые раньше казались пустыми, бродили жители. Пошатываясь и совершая механические движения, они направлялись прочь из поселка — судя по всему, к тому самому жуткому лесу на горе.

Му Цунъюнь тут же приземлился, чтобы проверить, что происходит, и обнаружил, что эти

люди лишились разума. Они погрузились в какие-то грезы: на их лицах сменялись радость, печаль и гнев. Как бы их ни звали, они не просыпались.

Нужно было что-то предпринять, нельзя было позволить им идти на верную смерть.

Му Цунъюнь посмотрел на Цзинь Ни, и тот сразу понял:

— Понял!

Сказав это, он одним ударом руки отправил ближайшего жителя в нокаут.

— ... — Му Цунъюнь встретился с ним взглядом, дернув уголком рта.

Цзинь Ни в недоумении посмотрел на него. Несмотря на красивое лицо, из-за пятен грязи и зеленого древесного сока на щеках он выглядел не слишком сообразительным:

— Что-то не так?

— Все отлично, — невозмутимо кивнул Му Цунъюнь.

Удар был грубым, но эффективным.

Му Цунъюнь тоже поднял ножны.

Они шли по улице, раз за разом укладывая без сознания десятков обезумевших селян.

Когда Цзинь Ни перетащил их в ближайшую чайную, они отправились к дому тетушки Чжао.

Ее дом стоял в конце переулка. Утром, когда Му Цунъюнь искал Цзинь Ни, он уже заходил туда, но дверь была закрыта, и пришлось долго стучать, прежде чем она открылась.

Но на этот раз, подойдя к дому, они увидели, что дверь настежь открыта, а во дворе слышится возня.

Переглянувшись, Му Цунъюнь положил руку на эфес меча и, скрыв дыхание, бесшумно двинулся вперед.

Люди, привыкшие к самосовершенствованию, двигались беззвучно. Те, кто был во дворе, даже не заметили их приближения. Один из них, пытаясь скрутить тетушку Чжао, чтобы связать ее веревкой, бормотал:

— Не думал, что, как бы мы ни прятались, этого все равно не избежать. Я делаю это ради тебя, не вини меня, когда придешь в себя.

Этот человек тоже был им знаком — это был хозяин дома, у которого останавливался Му Цунъюнь.

Старик лет шестидесяти по фамилии Чжао был дородным, с пухлым лицом и седыми волосами, на вид — воплощение доброты.

Привязав тетушку Чжао к столбу, он с трудом размял поясницу, вытер пот и поднял стоявшую рядом корзину, собираясь уходить.

Со стороны казалось, будто он пытался спасти ее.

Му Цунъюнь взглянул на Цзинь Ни, и тот, будучи уже опытным в таких делах, сделал шаг вперед, перегородив старику путь.

Цзинь Ни был хорош собой, а когда улыбался, на его щеках появлялись ямочки, что всегда располагало к себе старших:

— Дедушка Чжао, что вы тут делаете?

Старик, обернувшись, внезапно столкнулся с улыбающимся лицом Цзинь Ни и от неожиданности отступил на два шага. Узнав их, он облегченно выдохнул, но тут же на его лице промелькнула неловкость:

— Мастера прибыли?

Цзинь Ни, будто не заметив его смущения, любезно усадил его на скамью и с заботой спросил:

— По дороге сюда мы видели много жителей, которые словно лишились души и брели к лесу на горе. Как бы мы их ни звали, они не отзывались. — Он перевел взгляд на связанную тетушку Чжао. — Тетушка Чжао ведет себя точно так же. Те, кто пропал раньше — они тоже лишились души и ушли в этот лес, верно?

— Я... я не... — Руки дедушки Чжао на коленях дрожали, на лице боролись сомнения и страх.

Было очевидно, что он что-то знает.

Цзинь Ни, заметив это, прибодрился и продолжил убеждать:

— Мы с братом только что вернулись из леса и видели, что там творится. Если вы что-то знаете, прошу, расскажите правду, чтобы мы могли спасти людей.

Дедушка Чжао, похоже, поддался на уговоры. Его губы дрогнули, и спустя долгое время он осипшим голосом произнес:

— На самом деле я знаю не так много. Знаю лишь, что лес на горе издавна был местом захоронений. Говорили, что из-за обилия мертвых там скапливалась темная энергия, место было недобрым, и кто туда заходил — обратно не возвращался. Его называли Лесом Людоедов. Со временем люди стали называть его просто Старым лесом. Обычно все его избегали. Только охотники да мелкие торговцы лесом изредка туда заглядывали, но в последние годы ничего худого не случилось.

На этих словах он нервно потер руки, его взгляд невольно метнулся к корзине:

— Но полмесяца назад несколько охотников, ушедших в лес, не вернулись. Сначала их родные собрали людей и пошли на поиски, но и они не вернулись. Все перепугались, решив, что лес снова начал есть людей. Но те, у кого пропали близкие, не хотели верить. Одна богатая семья охотников даже наняла людей, предложив немало денег...

— Мой сын и невестка, решив подзаработать, тоже пошли с ними. — Упомянув пропавших, дедушка Чжао смахнул старческую слезу и похлопал по корзине. — И не вернулись. Оставили меня, старика, с младенцем-внуком на руках.

— После этого случая все были напуганы. Говорили, что в лесу поселилась нечисть и надо сжечь его. Но староста сказал, что летом слишком жарко, боясь пожара, решили не жечь, а просто вырубить деревья. Около полумесяца назад староста собрал крепких мужчин, и в полдень они пошли в лес рубить деревья.

В сухих глазах старика уже не было слез, голос звучал все тяжелее:

— Людей было много, в первый день они вырубili почти все деревья на краю, все шло хорошо. Но со следующего дня люди начали пропадать. Сначала один-два, потом по трое-пятеро. Стоило человеку заснуть — и он бесследно исчезал. Все были в ужасе, твердили, что лес разгневался, и боялись спать по ночам. Но даже так люди продолжали пропадать.

— Сколько человек пропало на данный момент? — спросил Цзинь Ни.

— Почти половина поселка опустела, — дедушка Чжао тяжело вздохнул. — Люди напуганы, даже днем прячутся по домам. Недавно приходили две группы мастеров, но, зайдя в лес, никто не вернулся. Больше никто не надеется на спасение.

Старик поднял взгляд на темное небо и начал отговаривать их:

— Когда я был маленьким, старики говорили, что в лесу на горе похоронено слишком много людей, и каждое дерево там — это чья-то душа. Люди срубили деревья и разгневали лес. Сколько деревьев срубили, столько жизней он заберет взамен. Нам уже не спастись, доживаем день за днем. Если можете, уходите поскорее. Не оставайтесь здесь.

Его слова звучали так скорбно, что даже Цзинь Ни, до этого сохранявший улыбку, помрачнел. Он помог дедушке Чжао встать и твердо сказал:

— Раз мы получили приказ устранить мутацию в поселке Наньхуай, мы не отступим.

Дедушка Чжао лишь покачал головой, осторожно подхватил корзину и не стал больше отговаривать.

Они проводили старика до дома.

Выйдя, Цзинь Ни вытирал глаза, чувствуя гнев:

— В поселке Наньхуай почти триста дворов, тысячи людей. И вот из-за одной мутации половина опустела.

Му Цунъюнь поднял голову, глядя на большое дерево с густой листвой во дворе дедушки Чжао. На его лице не было ни тени скорби, голос звучал холодно:

— Он лжет.

Цзинь Ни замер, вытаращив глаза:

— Не может быть?

— Во всем поселке только здесь растет дерево.

Ранее он обратил внимание, что во всем поселке, кроме дома дедушки Чжао, не осталось ни одного дерева. Даже там, где они росли раньше, виднелись лишь пни — очевидно, их намеренно вырубili.

Возможно, дедушка Чжао прав насчет того, что люди боялись леса и решили вырубить деревья. Но остальное вряд ли правда.

Если бы все было так, как он описывал, и его сын с невесткой пострадали от леса, стал бы он так спокойно относиться к дереву у себя во дворе?

Это нелогично.

К тому же Му Цунъюнь всегда был крайне чувствителен к эмоциям других людей. Когда старик говорил о сыне и невестке, его слова и выражение лица были печальными, но по ощущениям — не настолько искренне.

Он играл.

Цзинь Ни был в шоке, чувствуя, что его слезы были потрачены зря.

— Что теперь? Зайти и допросить его снова?

Му Цунъюнь покачал головой:

— Ты оставайся здесь, а я еще раз схожу в лес.

Слова дедушки Чжао были смесью правды и лжи, но одна фраза заслуживала внимания — «каждое дерево — это чья-то душа». Люди срубили деревья и разгневали лес. Сколько срубили, столько нужно восполнить жизнями.

И люди в Наньхуае действительно превратились в деревья.

У всего есть причина и следствие. Туман распространялся в Наньхуай около месяца, но люди начали пропадать массово лишь полмесяца назад. Должно быть, что-то произошло, из-за чего мутация в лесу усилилась.

И причина была явно не только в вырубке деревьев.

Передав Цзинь Ни все имевшиеся амулеты для защиты, Му Цунъюнь снова полетел к лесу на мече.

Смеркалось, небо становилось все темнее. Туман, окутывавший лес, беззвучно клубился, словно гигантская тень, притаившаяся между небом и землей.

Однако Му Цунъюнь заметил, что туман поредел.

Чтобы проверить догадку, он не стал создавать барьер, а просто вошел внутрь. При прохождении через густой серый туман он почувствовал дискомфорт, но не более того. Фонарь на поясе даже не подал сигнала.

Мутация в лесу утихла. Деревья заметно поредели, на земле зияли глубокие ямы с

разбросанной повсюду землей.

Снова что-то случилось?

Видя, как сгущаются сумерки, Му Цунъюнь не стал медлить и полетел в глубь леса.

В глубине дерева снова стали густыми.

Они не проявляли признаков мутации, но были куда крепче тех, что на краю: по три-пять деревьев срастались в одно, и все их ветви тянулись в одну сторону, будто в поклоне перед кем-то.

Му Цунъюнь избегал этих веток и, приглушив дыхание, осторожно двигался вперед.

Чем дальше он заходил, тем отчетливее становилась «поза поклона» деревьев, даже главные стволы изгибались, прижимаясь к земле. Туман в лесу становился все гуще, серые клубы ворочались, словно под воздействием невидимой силы, собираясь в одном направлении.

Му Цунъюнь присмотрелся и в движении тумана уловил слабый красный отблеск.

Должно быть, он приблизился к самому ядру леса.

Он двигался с предельной осторожностью. Пройдя еще сотню метров, он замер, а его зрачки расширились от потрясения при виде открывшейся сцены.

Там, куда указывали все ветви чудовищных деревьев, росло дерево с кроной, закрывающей небо. Но по-настоящему шокировало не это дерево, а то, что обвивало его, вбирая в себя туман — Дракон.

Золотые глаза, чешуя цвета красного нефрита.

Огромное тело дракона изгибалось, острые когти глубоко вонзились в ствол дерева. Он выглядел куда величественнее, чем в легендах.

Му Цунъюнь, никогда прежде не видевший драконов, почувствовал, как сердце у него забилося сильнее.

Однако, приглядевшись, он заметил, что этот дракон не совсем похож на описание в хрониках.

У него был только один рог. На месте второго виднелся лишь бугорок с рваным краем. Присмотревшись к красивой, но свирепой голове, он заметил, что помимо чешуи цвета

нефрита, на ней были вкрапления золотистой и зеленоватой чешуи — судя по материалу, это было золото и драгоценные камни.

А тело дракона... Чешуя была неровной, кое-где поверхность шла буграми. Из-за принудительного поглощения тумана и ответной реакции скверны кожа на участках без чешуи трескалась, сочилась золотисто-красная кровь.

Эта кровь, похоже, была ядовитой — стекая, она разъедала корни дерева, проплавливая в них дыры.

Это был дракон со сломанным рогом и содранной чешуей.

<http://bllate.org/book/21007/2135817>